

Народная поэзия въ Олонецкой губерніи, преимущественно былины, по материаламъ А. П. Воронова.

Извѣстно, что наибольшее количество памятниковъ безыскусственной народной поэзіи, особенно былинъ, было собрано въ Олонецкой губерніи, гдѣ изслѣдователи этого богатства—Рыбниковъ, Гильфердингъ и другіе—открыли настоящій кладъ ихъ, такое ихъ количеству, какое и не грезилось въ воображеніи ученыхъ. Всего менѣе думали о богатствѣ былинной поэзіи въ своемъ краѣ сами олончане и только нѣкоторые подозрѣвали о существованіи этого богатства,—тѣмъ интереснѣе попытки этихъ лицъ отыскать эти богатства.

Глубокій знатокъ своего края—Олонецкой губерніи—А. П. Вороновъ въ своихъ материалахъ коснулся и этого вопроса.

. Наша задача заключается въ томъ, чтобы, начавъ съ раннихъ собирателей, насколько позволяютъ материалы, собранные покойнымъ Вороновымъ, перейти и къ этимъ собирателямъ памятниковъ народной поэзіи—Рыбникову и Гильфердингу, и такимъ образомъ начертать картину изысканій и изслѣдований вопроса о народной поэзіи. Самая раннія попытки къ изученію этого вопроса мы видимъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1838 годъ, въ №№ 12, 13, 19, 21 «о собираніи пѣсенъ, пословицъ и проч.» С. А. Раевскаго. Здѣсь мы знакомимся съ удивительно цѣннымъ по тому времени взглядомъ на важное значеніе безыскусственной народной поэзіи, памятники коей собирались Кирѣевскимъ, Языковымъ, Хомяковымъ (извѣстно, что Пушкинъ вручилъ цѣлую тетрадь собранныхъ имъ памятниковъ народной поэзіи Кирѣевскому). Раевскій совѣтуетъ собирать эти памятники народной поэзіи, быстро исчезающіе пѣдъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, даетъ наставленія о способѣ записыванія ихъ и т. п. напр. онъ совѣтуетъ сначала дѣлать запись со словъ, а потомъ провѣрить съ голоса, т. к. при пѣніи лучше воспроизводятся подробности, чѣмъ при пересказѣ; записывать нужно слово въ слово; не удивляться тому, что цѣвецъ иногда въ пѣснѣ соединяетъ материалъ двухъ или трехъ пѣсенъ; совѣтуетъ не пренебрегать варіантами, ибо иногда незначительное проливаетъ свѣтъ на что нибудь темное, неясное; упоминаетъ о «плачахъ» (мирологахъ по Гнѣдичу), доказывая, что они не заимствованы отъ грековъ, а есть достояніе русскаго народа и имѣютъ прецеденты въ памятникахъ поэзіи; указываетъ на плачъ Ярославны и еще на какой то плачъ слуги обѣ Андреѣ Боголюбскомъ и т. д.

Другой цѣнитель народной поэзіи А. Ивановъ (въ Олонецкихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1845 и 1846 г. г.) говоритъ о собирателѣ памятниковъ народной поэзіи Дашковѣ; указывая, что Олонецкая гу-

бернія располагаетъ большимъ пѣсеннымъ богатствомъ, чѣмъ сколько успѣлъ собрать пѣсень Дашковъ (составитель книги «Олонецкая губернія въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніи). «Онъ коснулся, говоритъ Ивановъ, «только свадебныхъ и хороводныхъ пѣсень. Изрѣдка приходится слышать здѣсь унылый и протяжный пѣсни, не плясовыя и не свадебныя, исполненные глубокаго чувства и между тѣмъ имѣющія свой мѣстный характеръ». Авторъ приглашаетъ читателей собирать подобныя произведенія и присыпать для напечатанія въ Олонецкія Губ. Вѣдомости («Олонец. Губ. Вѣд. 1845 г. № 34» «Народныя пѣсни Олон. губ.») Далѣе авторъ приводитъ начало пѣсни, слышанной имъ въ г. Пудожѣ отъ кемской крестьянки, и пѣсню, слышанную въ г. Петрозаводскѣ отъ карелки Повѣн. уѣзда:

«Я сижу, сижу подъ окошечкомъ,
Я гляжу—глядѣю на Дунай рѣку...

«Подобныхъ поэтическихъ созданій можно найти въ Олонецкомъ краѣ довольно, только стоитъ прислушиваться къ старинамъ, которыя поютъ слѣпые нищіе на ярмаркахъ, на сельскихъ праздникахъ, на ступеняхъ храмовъ». Изъ сочиненія Дашкова, между прочимъ, и . выписывается припѣвъ невѣсты передъ поѣздомъ къ вѣнцу:

«Вы повышеите, голубушки,
Заузорчатую занавѣсъ:
Вы на первомъ углу вышайте
Вы Литву да со татарами;
На другомъ углу вышайте
Вы Москву да со боярами;
Вы на третьемъ углу вышайте
Царя да со царицею;
На четвертомъ углу вышайте
Красно солнышко со мѣсяцемъ
Да со частыми звѣздочками»...

Въ Олонецкихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1857 г. № 30 говорится, что «на всемъ Новгородскомъ сѣверѣ встрѣчаются остатки русской старины въ пѣсняхъ, преданіяхъ, пословицахъ загадкахъ, обычаяхъ и преимущественно въ языке.... Особенно много памятниковъ стараю времени въ уѣздахъ Каргопольскомъ и Пудожскомъ Олонецкой губ.. Такъ напр. въ Каргопольскомъ уѣзѣ до сихъ поръ поются старины, относящіяся по своему содержанию и языку къ давно минувшему. Въ Заонежье до сихъ поръ можно слышать много былинъ: поютъ ихъ старики или старыя женщины. Въ № 31 Олон. Губ. Вѣд. того же года сравниваются былины о «Соловѣ Будимировичѣ» Кирши Данилова съ такой же былиной, записанной въ Каргопольскомъ уѣзде, и отдается предпочтение по древности послѣдней. «Мы вполнѣ увѣрены, что по мѣстамъ можно найти въ нашей губерніи превосходныя старинныя пѣсни».

Теперь переходимъ къ крупнѣйшимъ дѣятелямъ по собиранию памятниковъ народной поэзіи въ Олонецкой губерніи Рыбникову и Гильфердингу. Въ материалахъ Воронова обѣ этихъ дѣятеляхъ мы находимъ довольно значительныя выписки. Правда, свѣдѣнія о ихъ дѣятельности не новыя, но мы считаемъ нeliшнимъ возобновить нѣкоторыя изъ нихъ въ памяти читателей.

Въ письмахъ къ разнымъ лицамъ, интересовавшимся народнво поэзію, Рыбниковъ сообщаетъ, какъ онъ собиралъ драгоценные памят-

ники поэзии. Въ письмѣ къ Хомякову 3 ноября 1860 года (Рыбниковъ, т. 2, стр. XVI) онъ пишетъ, въ какихъ уѣздахъ сохранились былины (Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ и Пудожгорскомъ приходѣ Повѣнѣцкаго уѣзда), затѣмъ перечисляетъ наиболѣе крупныхъ сказителей—Рябинина, Романова, Сорокина, Щеголенкова, колодозерскаго старика и Бутылку и т. д.

Разыскивая сказителей, Рыбникову приходилось дѣлать переѣзды въ 1000 верстъ, на утлой ладѣ дѣлать переѣзды по 40 верстъ. Иногда приходилось поручать другимъ лицамъ дѣлать записи былинъ, тратить на это деньги, разочаровываться въ людяхъ, такъ какъ они обманывали или просто списывали съ Кирши Данилова и присыпали списанное Рыбникову. Записывая былины, Рыбниковъ отмѣчалъ и ту мѣстность, гдѣ приходилось записывать, такъ въ Петрозаводскомъ уѣзда много дала материала Кижская волость—деревни: Боярщина, Середка, Кургеницы (сказители—Рябининъ, Иевлевъ, Щеголенковъ). Былины записывались Рыбниковымъ не только отъ людей русского происхожденія, но и отъ карелъ, напр. отъ кареляка Лазарева Повѣнѣцкаго уѣзда записано 7 былинъ: Чурило, Садко, Илья Муромецъ, Хотѣнъ, Дюкъ, Грозный, Кострюкъ. Отъ карелки того же Повѣнѣцкаго уѣзда—смерть княгини Михайловой.

Въ письмѣ къ Безсонову 11 апрѣля 1861 года (т. 2-й стр. 9—10) Рыбниковъ сообщаетъ подробности о своихъ путешествіяхъ по собиранию былинъ и вообще памятниковъ народной поэзии. Дѣлалъ онъ подобныя путешествія обыкновенно послѣ исполненія прямыхъ служебныхъ обязанностей. Такъ, въ 5 свободныхъ дней, выпавшихъ на его долю, онъ записалъ бытовыя пѣсни, заплашки, свадебныя пѣсни и духовные стихи.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ 2 съ небольшимъ мѣсяца онъ записалъ больше 80 былинъ. Въ послѣднюю поѣздку (четвертую) въ одинъ день онъ записалъ послѣднія былины. «Любителей было много», писалъ Рыбниковъ въ одномъ мѣстѣ, «и начальниковъ горныхъ заводовъ, и губернаторовъ,—всѣ они собирали, а что явилось въ свѣтѣ? —Одна старина въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь къ народу и отвѣтное расположение съ его стороны, чтобы въ короткій срокъ, узнавая чутью мѣстность и людей, собрать такія рѣдкости. Я самъ пѣлъ и рассказывалъ крестьянамъ, что зналъ. Бѣдный Рябининъ, не встрѣчавшій уваженія къ своимъ любимымъ былинамъ, послѣ разговоровъ со мною, ободрился и самъ сталъ цѣнить поэтическіе обломки, сохранившіеся въ его памяти»

Замѣчательно возврѣніе самого собирателя былинъ на ихъ значеніе. (ч. 1-я, стр. 1-я Прим. Б). «Во всякой литературѣ, сколько-нибудь сочувственной живому, неподѣльному творчеству народа, появленіе сборниковъ, подобныхъ изданному нынѣ, составляетъ обыкновенно эпоху... 88 былинъ: изъ нихъ многія доселѣ были совершенно неизвѣстны въ литературѣ и теперь пріобщаются къ ней въ первый разъ; какія и были извѣстны, появляются въ разнорѣчіяхъ новыхъ или замѣчательнѣйшихъ; нѣкоторыя удивляютъ невиданнымъ прежде объемомъ, простираясь до 1000 стиховъ; почти всѣ отзываются глубочайшою древностью происхожденія; всѣ дышатъ истинною свѣжестью народнаго творчества, такъ и слышится, будто сейчасъ сиѣ изъ души народа,

прямо изъ усть его только что пропѣты... Пѣсни сѣдой древности обѣ Олегъ и Микутъ, о Святогорѣ и Суханѣ появляются въ первый разъ... и по всему этому разбросано столько древнѣйшихъ, баснословныхъ преданій и образовъ, столько... искрь-огней могучаго творчества, столько истинныхъ перловъ въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. Достаточно лишь напечатать такой матерьялъ, чтобы дать пищу множеству выводовъ для области исторіи, для изученія народнаго творчества, для языко-зnanія. (стр. V). Въ «Замѣткахъ съ дороги» Рыбникова И. С. Аксакову (Олон. Г. В. 1862 № 43) мы имѣемъ дѣло съ первыми попытками ознакомиться съ памятниками народной поэзіи путемъ личнаго запытанія. Въ концѣ 1859 и началѣ 1860 Рыбникову пришлось побывать на Шунгской ярмаркѣ Повѣнѣцкаго уѣзда. Здѣсь ему удалось выслушать нѣсколько духовныхъ стиховъ. Въ эту же поѣздку Рыбниковъ познакомился съ шунгской вопленицей, «правителемъ свадебъ», которую приглашали даже въ Толвуѣ, гдѣ населеніе отличается поэтическою воспріимчивостью и вообщѣ очень разборчиво въ выборѣ вопленицъ, гдѣ каждая большуха можетъ импровизировать. Пѣвцовъ былинъ или старинъ, какъ ихъ здѣсь называютъ, все еще не удалось услышать, да и раскольничье населеніе Повѣнѣ. уѣзда неодобрительно на нихъ смотрѣло, руководясь еще древнимъ запретомъ «пѣсней сатанинскихъ не пѣти и мѣрскихъ людей не соблазнити». Въ «Замѣткахъ» проводится мысль, что для успѣха въ собираніи народныхъ пѣсенъ много значитъ «носить въ себѣ уваженіе къ самостоятельности религіозныхъ вѣрованій народа, къ особенностямъ его быта, къ тяжкому труду землепашца, работника и ремесленника и отбросить въ сторону нѣкоторые кабинетные предразсудки и барскія замашки. Тогда крестьянинъ не откажется признать своего брата и въ человѣкѣ, получившемъ университетское образованіе, и охотно разскажетъ ему все, что нужно».

Въ 1860 году прибылъ Рыбниковъ на лодкѣ къ Шуйнаволоку—острову близъ Петрозаводска. Было много лодокъ изъ Заонежья. «Фатера», общій домъ для ночлега, была переполнена людьми. «Я улегся на мѣшкѣ и незамѣтно заснулъ»... Далѣе онъ разсказываетъ, какъ ему въ первый разъ удалось услышать настоящія старины, услышать которыхъ онъ такъ долго добивался. «Меня разбудили странные звуки: до того много слыхалъ я и пѣсенъ и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался, и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ то сѣдатый старикъ съ окладистою бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣвшись на корточкахъ у потухавшаго огня, онъ оборачивался то къ одному, то къ другому сосѣду и пѣлъ свою пѣсню, прерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорить крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ разспрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ изъ деревни Середки Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать

много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалого Василія Буслаевича, про Хотѣнушку Блудовича, про сорокъ каликъ со каликою, про Свято-гора багатыря, да знать онъ варіанты неполные и какъ то не досказывалъ словъ. Впрочемъ, на первыхъ порахъ и записывалось какъ то неохотно, а больше слушалось. Много я впослѣдствіи слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалось уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія которое произвели плохіе варіанты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтия изъ Шуйнаволока.

Другой крупнѣйшій дѣятель по собиранию богатствъ народной поэзіи въ Олонецкомъ краѣ, буквально положившій жизнь свою на это дѣло, былъ Гильфердингъ.

Въ поѣзду по Олонецкой губерніи въ 1871 году Гильфердингомъ было прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны и составлены ихъ біографіи, а записано и пропѣлено 318 былинъ. По указанію Рыбникова онъ посѣтилъ Сѣнную Губу и Кіжи на южной оконечности Заонежскаго полуострова, Тolvую на его сѣверной сторонѣ, Пудожское побережье на сѣверномъ берегу Онежскаго озера, Кенозеро и Мошинскую сторону. Былъ онъ на Выгозерѣ и въ Данилсвѣ. По мнѣнію Гильфердинга, двѣ причины сохраненія эпической поэзіи въ сѣверной и восточной части Олонецкой губерніи,— это свобода и глупы. «Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного произвола. Ощущая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ чувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ, напротивъ того, что могло бы остатся сроднаго въ типѣ эпического багатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ. Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глухи, которая охраняла его отъ вліяній разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію, къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что даже въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края исключение.¹⁾ Такимъ образомъ здѣсь могли удержаться въ полной мѣрѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ «и вѣра въ чудесное (стр. XI). Огромное большинство живетъ еще вполнѣ подъ господствомъ эпического міросозерцанія. Поэтому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края эпическая поэзія и теперь ключемъ бьеть (XIII); выводы, къ которымъ приходитъ Гильфердингъ: 1) былины сохранились только въ средѣ крестьянъ; 2) почти всѣ рапсоды неграмотные (65 изъ 70); 3) былины поются православными и старовѣрами совершенно одинаково, безъ малѣйшаго признака измѣненія ихъ у послѣднихъ подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ идей; 4) пѣніе былинъ не развилось на нашемъ сѣверѣ въ профессію, какъ было въ древней Греціи, въ средніе вѣка на западѣ и, какъ мы видимъ, въ Малороссіи, а остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усваивать себѣ старины.

Профессиональный характеръ имѣетъ пѣніе духовн. стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ каликъ на ярмаркѣ и въ храмо-

¹⁾ Писано въ 70-ыхъ годахъ прошл. столѣтія.

вые праздники; но калики почти не знаютъ народныхъ былинъ. Но зато почти всѣ крестьяне и крестьянки, которые поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи; особенно про Алексія человѣка Божія, Егорія Храбраго, Анику воина, царя Софомона и Голубиную книгу. По наблюденіямъ Гильфердинга, эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ народныя былины. (стр. XVI). Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинъ составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянского населения (стр. XVII). Нѣкоторыя мастерства. напр. приготовленіе сѣтей для рыбной ловли, когда приходится долгіе часы сидѣть на мѣстѣ за однообразною работою—способствуютъ сохраненію былинъ; напротивъ того, крестьянство и другія тяжелыя работы заглушаютъ даже и то, что прежде знали (стр. XVIII). Гильфердингъ соглашается съ Рыбниковымъ, что на прибрежьяхъ Онежскаго озера (мѣста, которымъ посѣтилъ Рыбникова) дѣйствительно эпическая поэзія близка къ вымиранію, былины поются преимущественно стариками и этимъ старикамъ-сказителямъ дѣйствительно не видно преемниковъ въ молодомъ поколѣніи. Но совершенно другое дѣло дальше къ сѣверу и востоку, на Выгозерѣ, Водлозерѣ, на Кенозерѣ,—тамъ быловая поэзія живетъ столько же въ старшемъ, сколько и въ младшемъ поколѣніи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно Кенозеро. Прибрежья этого озера, въ которое со всѣхъ сторонъ вдаются колѣнами мысы и «наволоки», такъ что несмотря на его значительную величину озеро имѣетъ въ каждой точкѣ видъ залива, либо пролива—прибрежья Кеноозера составляютъ какъ бы отдѣльный, довольно хлѣбородный, усѣянный деревнями оазисъ среди громаднаго пустыря болотъ и лѣсовъ и въ этомъ оазисѣ и цвѣтетъ въ настоящѣ время¹⁾ эпическая поэзія. Здѣсь, по выражению Гильфердинга, самый воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, поэзія не вымираетъ, а даже еще ищетъ новыхъ предметовъ...

Интересно замѣченіе Гильфердинга о неодинаковомъ достоинствѣ нашихъ рапсодовъ: «Они представляютъ собою цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная съ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ».

Далѣе Гильфердингъ объясняетъ, почему эпическая поэзія недолговѣчна: «Нужна громадная сила памяти для того, чтобы заучить и пѣть безъ запинки поэмы, которая дѣлается иногда по два и по три часа. Съ распространениемъ промышленности, а особенно просвѣщенія эпическая поэзія должна неминуемо падать. Пѣвцы чужды сочинительства. Хотя бы указана была въ былинѣ явная нелѣпца, говорить Гильфердингъ, сказитель отвѣчалъ: «такъ поется», а про что разъ сказано, что «такъ поется», то и свято. Не разъ сочинитель, пропѣвъ про князя Владимира какой либо стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому де мы сами знаемъ, что не хорошо такъ говорить про снятого, да что дѣлать? какъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились». Только этимъ и объясняется, по мнѣнію Гильфердинга, что въ былинахъ могла удержаться такая масса древнихъ, ставшихъ непо-

¹⁾ Писано въ 70 годѣ прошл. столѣтія.

нятными народу словъ и оборотовъ; только благодаря этому, могли удержаться бытовыя черты другой эпохи, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаютъ крестьянина, подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ. картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ сѣверѣ, чтобы вполнѣ понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенного для нась необычнаго въ природѣ. изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ—въ этихъ (стр. 25) «сырыхъ дубахъ», въ этой «ковыль травѣ, въ этомъ «раздолѣ чистомъ полѣ», которая составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки Приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ, напримѣръ, сохраненіе образа «гнѣдого дуба», давно исчезнувшаго, или облика богатыря съ шлемомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «спалицей боевою». Видаль ли крестьянинъ Заонежья дубъ. Дубъ ему знакомъ юко же, сколько намъ съ вами, читатель, какая нибудь банана. Знаетъ ли онъ, что это такое ковыль трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видаль ли онъ хоть разъ на своеи вѣкѣ «раздолѣ чистое поле»? Нѣтъ. поле. какъ раздолѣ, на которомъ можно «проскакать», есть понятіе для него совершенно чуждое, ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькия, по большей части усѣянные каменьями клочки пашни, либо сѣнокосы, окруженные лѣсомъ; если же виднѣется гдѣ чистое, гладкое мѣсто, то это не раздолѣ для скакуна, это трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ...»

Вотъ наиболѣе существенное, что мы извлекли изъ материаловъ покойнаго Андрея Петровича Воронова о крупнѣйшихъ дѣятеляхъ по собиранию памятниковъ безыскусственной народной поэзіи въ Олонецкомъ краѣ. Пусть значительная часть сообщеннаго не нова, но не мѣшаетъ возобновить въ памяти читателей то, что отчасти стало забываться.

Пусть это напоминаніе возбудитъ новый интересъ къ народной поэзіи, ключи которой и до сихъ поръ еще не изсякли въ Олонецкомъ краѣ.

М. Правдинъ.